

Художник и власть говорят на разных языках

В Марселе открылся Булгаковский фестиваль

Общая газета. — 1998. — 26 февр. — 4 марта. — с. 8

Люстры, множество люстр. Мановением руки искусного мастера, художника Эдуарда Кочергина, они заливают ярким светом мольеровский театр Пале-Рояль. Потом свет люстр становится неверным и переменчивым — это приемная короля Людовика, где он карает и милует своих подданных. А потом зловещим и тусклым, в подвале Кабалы Священного писания. В конце остановится световое движение, одна из люстр опустится низко-низко — вся жизнь пролетела в этом мерцании, но не удержится, тяжело упадет на подмостки и останется недвижима.

Мольеровской Пале-Рояль расположился на сцене Театра Турски в Марселе, а сцена эта отдана в распоряжение русского режиссера Сергея Арцибашева, который вместе с французскими артистами и со своими, из Театра на Покровке, ставит здесь «Кабалу святош» Михаила Булгакова. В роли Мольера — Ришар Мартен, пронзительной силы артист, он же директор Театра Турски.

Он же — директор российского театрального фестиваля в Марселе, который нынче проходит уже в третий раз и посвящен Михаилу Булгакову. Кроме «Кабалы свя-

тош» — «Собачье сердце» Московского ТЮЗа, «Роковые яйца» из Казани, «Зойкина квартира» из Йошкар-Олы.

Актерская энергетика сочетается в Ришаре Мартене с мощным и действенным человеческим доброжелательством. Это он высмотрел нашу Покровку на фестивале экспериментальных театров в Каире, увлекся ею, и вместе с Арцибашевым они родили авантюрную идею регулярного российского фестиваля в Марселе. Впрочем, неавантюрные идеи в искусстве чаще всего оказываются мертворожденными, а эта затягивала в свой круг все большее число неофициальных и официальных лиц. В результате — один из самых заметных, по моему убеждению, театральных проектов последних лет. Покровка участвовала во всех трех фестивалях, но местный спектакль — впервые, им-то нынешний фестиваль и открылся.

Спектакль играется на двух языках, причем французская часть — это Мольер, его сподвижники, его труппа, а российская часть — Людовик со своим окружением. Нам, понятно, привычнее видеть тираническую власть в своих, российских обликах, но и французские зрители были явно не в претензии, что их короля, юного, улыбчивого, коварного деспота, легко и изящно

сыграл Евгений Булдаков.

Вообще же мысль о двуязычии как приеме, призванном продемонстрировать полное взаимопонимание между искусством и властью, мысль счастливая. Артист и Король говорят на разных языках — об этом писал Булгаков, обращаясь к Мольеру, это отравляло жизнь им обоим, эта коллизия тянется из века в век, из страны в страну. Причем, зная смысл, силу воздействия искусства, власть никогда не оставалась к нему равнодушна. Она покупала художников. Она ломала тех, кого не удавалось купить. Она убивала тех, кого не удавалось ни купить, ни сломить. При этом побеждала всегда — в каждом отдельном времени. На все времена побеждал художник, но знать ему об этом дано не было. (Правда, пару лет назад выяснилось, что возможен и другой тип взаимоотношений, когда власть не знает, что такое искусство, зачем и кому оно нужно: достойный изумления феномен, однако это уже другой сюжет.)

Чтобы заполнить прием содержанием, чтобы показать фатальное взаимопонимание с такой убедительностью, нужно было научиться понимать друг друга с полуслова. И я вижу, как понимают друг друга с полуслова Сергей Арцибашев и Ришар Мартен, артисты Покровки и Театра Турски.

«Лишаю вас покровительства короля», — бросает Людовик Мольеру на чистом русском. «За что?!» — сдавленным голосом по-французски кричит Мольер, искренне не понимая подлинной причины этой опалы. Ну как объяснить недогадливому артисту — за что. За то, что его покупали и, казалось, купили, а он, осыпанный королевскими милостями, взял да и написал богомерзкого «Тартюфа». За то, что, казалось, растоптали, унизили, а он остался нерастоптанным и предпочел унижению смерть. За то, что талант, соединенный с человеческим достоинством, иногда толкает человека на поступки, с точки зрения нормальной королевской логики, решительно непонятные и непредсказуемые.

Ришар Мартен играет Мольера с высоким достоинством истинного артиста, в его сценической жизни угадываются ноты исповедальные, личные, столь органичные для русского психологического театра — и здесь взаимопонимание найдено!

(Рассказывают: когда-то у Ришара Мартена возникли серьезные сложности во взаимоотношениях с властями, под угрозой оказалось существование театра, и тогда он велел товарищам подвесить себя вниз головой — в знак протеста против властного

произвола. И пребывал в этом неестественном состоянии до тех пор, пока марсельские театральные начальники не спохватились и не выполнили его справедливые требования. Возможно, это более достойный и действенный способ взаимоотношений с начальством, чем хорошо нам знакомые почтительно-слезливые письма в инстанции с просьбой дать, в порядке исключения, денег, с перечислением, в качестве основания к просьбе, своих заслуг перед отечественной демократией. Впрочем, это тоже другой сюжет, другая история.)

...Замерли люстры, разом преврав свои магические преображения, только одна — та, за которую в последние секунды жизни судорожно пытался ухватиться Мольер, — тихо и мерно раскачивалась. Актеры — французские, русские — стали медленно подходить к неподвижно лежащему Мастеру, тихо складывая возле театральные костюмы и реквизит, которым пользовались во время спектакля. Из зрительного зала в эту растущую горькую полетела охапка роз... И вдруг под своды театра ворвался хриплый голос Высоцкого — «Охота на волков». Ну, конечно, «Охота»: «Обложили меня, обложили, но остались ни с чем егеря!» Бывает, пусть это и невероятно, — короли, егеря остаются ни с чем, несмотря на могущество. сосре-

Король-француз говорит по-русски

доточенно поднялся Ришар Мартен, сбросил с себя театральное облачение. Зрительный зал взорвался аплодисментами, и все соединились, сошлись: Мольер и Булгаков, Ришар Мартен и Сергей Арцибашев, Эдуард Кочергин, Владимир Высоцкий, артисты из Марселя и из Москвы.

Константин ЩЕРБАКОВ
Марсель — Москва